

Глава 33. Обнажённая истина

Некоторое время оба молчали, вглядываясь в глаза друг друга в густом полумраке номера.

Комната Инь Чжоу не была погружена в абсолютную тьму: шторы на балконе остались незадёрнутыми, и далёкий свет ночного города, проникая внутрь, едва заметно подсвечивал пол. Сами же они оставались в тени. Когда зрение Гу Цинсю адаптировалось, он уловил в глубине иссиня-чёрных зрачков юноши крохотные искры отражённого света.

— О чём ты вообще думал? — голос Инь Чжоу прозвучал хрипло и почти угрожающе. — Как у тебя только зубы поднялись на такое, когда я был в том состоянии?

Вернувшись в номер, он долго сидел в тишине, не раз подходя к зеркалу в ванной, чтобы осмотреть затылок и коснуться того самого места. Ему казалось, что укус Гу Цинсю всё ещё там — фантомное ощущение челюстей, сомкнувшихся на коже, запечатлелось в самой железе.

На самом деле никаких следов не осталось. Мужчина не кусал в полную силу, к тому же мешала ткань костюма, так что синяку или отметине просто неоткуда было взяться.

Инь Чжоу слизнул языком остриё собственного клыка:

— Хм? Учитель Гу, почему вы молчите? Совсем недавно вы и прикасаться ко мне не желали, а тут — на тебе, решили погрызть мне шею? Будь я омегой поскромнее, уже бы в слезах требовал, чтобы вы взяли на себя ответственность. Поверите?

Он растягивал слова, добавляя в голос вкрадчивую, недобрую издёвку, и при этом ещё сильнее надавил предплечьем на горло собеседника. Так он выражал своё крайне недовольство.

Вынужденный задрать голову, Гу Цинсю медленно и глубоко вдохнул. Несмотря на затруднённое дыхание, он не выглядел жалко или растерянно. Его резкие черты лица в сумерках казались ещё суровее; он смотрел на юношу, чуть опустив веки.

— Хорошо.

— «Хорошо»? — Инь Чжоу фыркнул. — Учитель Гу, вы ведь не всерьёз приняли меня за омегу?

Среди альф не существует понятия «метки», а укусы в шею — прерогатива отношений между альфой и омегой. С его стороны это была лишь случайная шпилька, но Гу Цинсю вдруг мазнул по нему странным, нечитаемым взглядом.

— А ты как думаешь?

Собеседник осёкся и на мгновение действительно задумался над его словами.

— Неужели ты настолько заигрался, что и впрямь увидел во мне Ло Цяня?

Актер лишь промолчал, вновь поражённый тем, как работает логика этого парня. Он не выдержал и парировал:

— Даже если бы я заигрался... ну в каком месте ты похож на омегу?!

Придя в себя, Инь Чжоу понял, что это и впрямь маловероятно. Как бы глубоко артист ни уходил в роль, увидев альфу, который феромонами подавляет окружающих, он никак не смог бы принять его за омегу. К тому же Гу Цинсю был ветераном сцены, а не каким-нибудь неопытным новичком вроде Чжэнь Цзяшуая.

Однако, услышав такой ответ, юноша вздёрнул бровь, по привычке вступая в спор:

— Ты что, сплетни в сети не читаешь? Мне каждый день твердят, что у меня лицо как у омеги. Как-то раз на съёмках шоу прохожие, которые меня не знали, всерьёз приняли меня за омегу.

— ...

Гу Цинсю медленно окинул его лицо взглядом, и в этом взоре промелькнуло нечто опасное.

— Будь ты омегой, всё было бы гораздо проще.

Инь Чжоу почувствовал, как к нему возвращается то самое знакомое желание — идти наперекор этому человеку. Он убрал руку от его горла, выпрямился и с живым интересом произнёс:

— О? И в чём же была бы простота?

— Тебе трудно это представить?

Инь Чжоу посмотрел на него с вызовом:

— Просвети меня, я бы с удовольствием послушал.

Он и впрямь был чертовски хорош собой — внешние уголки глаз естественным образом стремились вверх, придавая взгляду врождённое очарование.

Темнота стёрла с Гу Цинсю его привычную мягкую оболочку, обнажая холодную и резкую натуру. Инь Чжоу тоже изменился: его вечная доброжелательность померкла, а прищуренные глаза и двусмысленная ухмылка делали его похожим на экзотический цветок дурмана, распустившийся под покровом ночи.

Мужчина не собирался откровенничать, но, глядя на выражение лица Инь Чжоу, невольно прищурился:

— Хочешь знать? Потеря контроля у омеги — это совсем не то же самое, что у альфы. Даже ты не смог бы подавлять других, как сегодня; ты бы сам оказался под гнётом чужого альфы. У тебя высокий уровень феромонов. Будь ты омегой, Гуань Яню вряд ли удалось бы тебя подчинить, совсем как в нашей сегодняшней сцене. Но если бы на его месте был я... всё было бы иначе.

Губы юноши тронула улыбка:

— Если бы на его месте был ты, всё было бы иначе?

Он слегка склонил голову набок, словно затеял непринуждённую беседу:

— А если бы я тоже был омегой высшего класса?

— Ты хочешь быть омегой высшего класса? — взгляд Гу Цинсю потемнел.

— Что за вопрос? Кто бы отказался от высшего ранга? Ты сам — альфа уровня 3А, неужели скажешь, что не ценишь свою мощь? Омега высшего класса по крайней мере способен противостоять давлению большинства альф.

Если бы этот человек посмел сказать, что его это не заботит, Инь Чжоу бы его просто высмеял.

— Высший ранг — вовсе не такой подарок, как ты думаешь. Ты читал сценарий «Героя» и знаешь, что Ло Цянь — омега высшего класса. Но разве это помогло ему устоять перед генералом Суфэном, который был таким же исключительным альфой? — произнёс актер.

Инь Чжоу прищурился, и в его зрачках на миг вспыхнул опасный блеск, словно невидимый крючок:

— Ты намекаешь, что и я бы не смог тебе противостоять?

В полумраке комнаты его голос прозвучал с мягким, почти осязаемым искушением.

Гу Цинсю вскинул взгляд:

— Ты бы точно не смог.

— Какая уверенность. Пусть мой ранг и ниже твоего, я всё же далеко не слабак, и уж точно получше этого Гуань Яня. Учитель Гу, вы делаете слишком громкие заявления, не стоит быть таким самоуверенным.

Слова сами собой сорвались с языка, спровоцированные лёгкой издёвкой собеседника:

— Ты упускаешь самое важное. Я — альфа высшего класса с уровнем 3А. Я отличаюсь от других. Для меня остальные альфы и омеги почти неразличимы. Не в плане пола, а в том, что они для меня значат...

Инь Чжоу резко перебил его:

— Так вот почему ты впился мне в железо? В этом и заключается твоё отличие от прочих?

Карты были раскрыты. Гу Цинсю осёкся, слова застряли у него в горле.

Он хотел сказать совсем иное: что другие альфы и омеги влияют на него одинаково слабо. В отличие от большинства альф, которые легко теряют голову от запаха омеги в течке, Гу Цинсю всегда оставался бесстрастным.

До встречи с Инь Чжоу.

Он никогда не испытывал вожделения к омегам. Но когда один альфа высшего класса начинает чувствовать физиологическую тягу к другому — пусть даже это не похоть в чистом виде, а жажда обладания и контроля, как в его случае, — это становится по-настоящему пугающим. Это способно нанести сокрушительный удар по психике того, на кого направлено подобное внимание.

Именно это он и собирался объяснить, выбрав более мягкие выражения. Однако Инь Чжоу не был тем, кого легко вести за собой. Всего парой фраз он буквально выудил из него ту самую, глубоко запрятанную правду.

Видя его замешательство, юноша усмехнулся — его догадка подтвердилась.

Улыбка медленно сползла с его лица:

— Учитель Гу, вы ведь не из тех, кто не отличит альфу от омеги. Но при этом вы, будучи

альфой, укусили другого альфу так, словно ставили метку. Я знаю, что вы не собирались меня помечать. И вы прекрасно знали, что моя железа сейчас на пределе чувствительности, а значит, подобный удар парализует меня.

Инь Чжоу сделал паузу, его взгляд стал жёстким:

— Вы сделали это из-за моих феромонов. Я помалкивал, но это не значит, что я слеп. Твои инстинкты требуют моего подчинения. Это было заметно ещё при нашей первой встрече. С самого начала ты видел во мне вызов... нет, скорее, объект для завоевания.

Его слова били наотмашь, без капли жалости:

— Жажда покорить другого альфу... звучит абсурдно. Со мной такого никогда не случилось. Неужели это врождённый порок вас, высших альф? Поступать так — не слишком ли низко, учитель Гу? Воспользоваться чьей-то слабостью...

Он стоял перед ним как судья, слой за слоем обнажая истину — ту самую, неприглядную и скрытую от чужих глаз.

Инь Чжоу, как альфа, всё же испытывал враждебность к подобному поведению Гу Цинсю. И дело было не в самом укусе. Просто он был сильным, волевым человеком, который не терпел лжи и манипуляций.

В итоге, умело ведя разговор, он вынудил Гу Цинсю к молчаливому признанию.

Однако, помня о том, что он лишь гость в этом мире, принявший чужую роль, юноша помолчал немного, а затем сделал шаг вперёд. Он почти вплотную приблизился к застывшему мужчине и тихо произнёс:

— Учитель Гу, скажу прямо: я не то чтобы сильно в обиде за тот укус. Просто как альфу меня это задевает на инстинктивном уровне. Впредь, если этого не требуют съёмки, будьте осторожнее. Повторится — пеняйте на себя.

С этими словами он слегка отстранился и с лёгкой улыбкой посмотрел на собеседника, словно только что без труда лопнул мыльный пузырь.

Двое альф стояли в полумраке прихожей, ведя безмолвный поединок волею.

— И это всё? — спустя долгую паузу спросил Гу Цинсю. Он не стал ничего отрицать.

Улыбка Инь Чжоу стала шире:

— А чего ты ждал? Что я и впрямь зарыдаю и потребую жениться на мне? Даже будь я омегой, я бы так не поступил.

Он помедлил и добавил:

— Даже если бы ты меня укусил.

Гу Цинсю не сдержал мимолётной улыбки:

— Да, в этом весь ты.

Даже если бы его действительно пометили, Инь Чжоу вряд ли бы вспылал чувствами к своему «хозяину».

— Раз уж ты всё понял, у тебя нет других мыслей на этот счёт? — спросил Гу Цинсю.

Инь Чжоу на мгновение задумался и покачал головой.

Гу Цинсю слегка оторопел:

— Почему?

Он редко задавал подобные вопросы, но сейчас юноша и впрямь поставил его в тупик.

Тот рассмеялся:

— Ты думаешь, узнав о твоём пресловутом желании меня покорить, я брошусь наутёк? Стану тебя избегать?

Гу Цинсю замялся. На самом деле он так не думал, но, зная характер Инь Чжоу лишь поверхностно, не мог предугадать его реакцию. Осыплет ли он его обвинениями? Потребуется ли компенсации, чтобы восстановить душевное равновесие?

Инь Чжоу не стал ждать ответа, в его глазах заплясали искры:

— Я понимаю, что это не был твой осознанный выбор. Тобой двигали инстинкты, совсем как мной сегодня в сцене с Гуань Янем. Часть действий была моей волей, но большая часть — влиянием феромонов, потому режиссёр Линь меня и не винил.

Он посмотрел Гу Цинсю прямо в глаза:

— С тобой то же самое. Я не слеп и вижу, что ты пытался бороться со своей природой. Верю, что ты сможешь держать себя в руках. А если не справишься — не беда, я найду способ тебя осадить. Совсем как ты усмирил меня сегодня перед тем укусом.

Сердце Гу Цинсю пропустило удар. Странное, щемящее и одновременно терпкое чувство поднялось из самой глубины души. Он сглотнул, прислонился затылком к стене и закрыл глаза.

Он был далеко не так спокоен, как казалось. Слова Инь Чжоу подняли в его душе настоящую бурю. Юноша был прав, но он даже не догадывался о том, насколько глубоко запряваны истинные мотивы этого влечения.

Волна смятения схлынула, оставляя после себя обманчиво гладкую поверхность, скрывающую пугающую бездну.

Актер не стал рассыпаться в благодарностях или изображать тронутость. Он лишь устало потер висок и негромко произнёс:

— Я не шутил тогда. Можешь укусить меня в ответ.

— Обойдусь, мне это не интересно.

— Уверен? Если позже передумаешь, я могу и не согласиться.

Инь Чжоу лениво усмехнулся:

— С чего бы мне этого хотеть? Ты не нежный омега, какой прок тебя кусать? Хм... Но если тебя так грызёт совесть и ты жаждешь искупления... может, мне пригрозить тебе как следует?

Гу Цинсю открыл глаза и молча посмотрел на него.

Юноша склонил голову набок и с притворной свирепостью проговорил:

— Если бы ты не выручил меня сегодня, я бы с тобой разделался по-свойски.

— ...

«А он милый»

Гу Цинсю едва заметно улыбнулся.

Инь Чжоу выбрал самый мягкий способ, чтобы предупредить его об опасности. И это действительно подкупало.

Раз юноша был столь искренен, Гу Цинсю решил ответить тем же. Впервые с момента прихода в номер он сам протянул руку к собеседнику.

Инь Чжоу вскинул бровь, встретился с ним взглядом и, ничего не говоря, вложил свою ладонь в чужую.

«Если бы не эта проклятая «совместимость» и не их общие любовные сцены в кино, я бы ни за что не доверил свою руку другому альфе»

Инь Чжоу замер, ощущая под пальцами жар чужого тела.

Гу Цинсю не стал сжимать его ладонь. Вместо этого он перехватил запястье юноши и медленно потянул к себе.

Движение было нарочито медленным, давая Инь Чжоу время отстраниться.

Тот не стал вырываться, лишь с любопытством наблюдал за происходящим. Рука юноши приближалась к шее актера, пока кончики пальцев не коснулись кожи.

Кожа на шее казалась иной — тоньше и горячее, чем в других местах. В то же мгновение под подушечками пальцев забила живая, сильная жилка.

Инь Чжоу невольно вздрогнул.

Но Гу Цинсю не остановился. Он плотно прижал всю ладонь юноши к своей шее, заставляя его пальцы повторить изгиб горла.

Сердце Инь Чжоу бешено заколотилось. Он чувствовал чужой пульс, а его ладонь буквально обжигало чужим теплом.

— Ну и что ты чувствуешь теперь? — негромко спросил Гу Цинсю.

<http://bllate.org/book/15873/1443358>